

Валерий Николаевич Хайрюзов. Фото с сайта pressa.irk.ru

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ: ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ

Он шел к сцене быстрыми шагами, невысокий, коротко стриженный, откидывая в сторону левую руку и поправляя на ходу очки. Сидящие в зале депутаты только что выслушали очередного претендента на роль председателя палаты Республики и уже почти равнодушно переговаривались. Все кандидаты говорили в общем-то одно и то же: что они собираются предпринять, если им доверят, чтобы осчастливить народ, а заодно и Россию.

Исакова пригласили последним. Из той объективки, что раздали депутатам, уралец был не хуже, но и не лучше других: профессор, доктор юридических наук. В кулуарах говорили, что свердловчанин защитил юридическую диссертацию за всю историю самым молодым. Демократически настроенной части зала импонировало, что претендент - земляк Ельцина. Исаков еще не поднялся на трибуну, а многие поставившие на другого доктора и профессора Вениамина Соколова, решили - будем валить, хватит уже одного в союзном парламенте, свердловчанина Сергея Алексева.

В то лето девяностого года уральцы вызывали у многих досаду и недоумение. Опора державы, потомки Демидовых и Ползуновых, удивлявшие мир каслинскими шедеврами и сверхпрочной броней, в конце двадцатого века, говоря языком свердловских "пампилиусов", вылили и явили России многопудовую "гирю". Смекалистые москвичи перетащили ее к себе, для блезиру напудрили и намадили, журналисты нарисовали вокруг нимб. После первого российского съезда этим ударным инструментом, подвешенным повыше, покачивая и примеряя, готовились пробить все стены. Привыкший поклоняться божкам, доверчивый российский народ бил челом новому Идолу и, хмелея от обещанной безнаказанности, готов был в свою очередь крушить стекла в собственном доме. Еще не имея полной власти, Идол взялся укреплять свои позиции поменявшей цвет номенклатурой, обиженными научными сотрудниками, литейщиками-земляками, словом, теми, кто тащил его наверх.

Начал Исаков негромко, так, как, наверное, привык читать лекции, с обычных слов, откуда родом, что закончил. С внутренним сопротивлением я все же признал: напомнивший своей порывистой походкой студента, молодой профессор говорить умел на редкость образно, точно, доходчиво. Стал ждать ответов на вопросы - авось на них завалится. Увы, не дождался. Профессор находчиво ответил на все каверзные вопросы и в конце поставил эффектную точку: удачно пошутил, чем вызвал аплодисменты зала. Я понял - изберут. И не ошибся. За Исакова проголосовало большинство.

Став председателем, уралец тут же показал характер, попросив удалить из зала лишних, как он считал, людей, чтобы установить рабочую атмосферу, но неожиданно встретил яростное

сопротивление своих единомышленников - "демократов". Николай Травкин, тоталитарный любимец всех митингов и съездов, которого в те дни пресса называла человеком с застенчивой улыбкой Андрея Дмитриевича Сахарова, волчьей походкой подбежал к микрофону и стертым от частого употребления голосом начал кричать, что не позволит устанавливать здесь свои порядки.

- Будет лучше, если одним демократом станет меньше, - сердито сказал он. Словом, первым учуял и пригрозил вышвырнуть за борт строптивного законника.

Далее все пошло вроде бы гладко, профессор сильно не задибался, давал слово и правым и левым, сам больше помалкивал, вплоть до того дня, когда на заседание был приглашен гремевший по всем телеканалам первый заместитель премьера Силаева - Геннадий Фильшин. Его выступление было назначено, но прославленный экономист опоздал на час и появился в зале, когда обсуждался уже другой вопрос. Геннадий Иннокентьевич просквозил мимо депутатов прямо в президиум, с видом озабоченного государственными делами человека бросил на стол ядовито - желтую кожаную папку, по-хозяйски оглядел зал.

- Геннадий Иннокентьевич, у нас члены Правительства обычно сидят в зале, - поправив очки, глуховатым голосом вежливо напомнил Исаков.

Как-то быстро привыкший к высоким присутственным местам Фильшин удивленно посмотрел на председателя, нахмурился, но с места не сдвинулся, всем своим видом показывая, чего, мол, кочевряжишься, другой бы гордился, что такой значительный человек сел рядом.

- Прошу вас спуститься в зал, - выждав несколько секунд, вежливо, но жестко потребовал Исаков. - У нас таков порядок. Мы ни для кого не делаем исключения. А заодно не мешало бы извиниться перед депутатами за опоздание.

Что и говорить, ситуация возникла не простая, как для одного, так и для другого. Но все видели, профессор давал шанс сохранить заму лицо, понимая, что никто не застрахован от подобных случаев. Фильшин этим шансом воспользоваться не захотел. Тогда Исаков прибег к нормам регламента, дал понять всем, что порядок в сущности начинается с малого - с уважения. И чтоб не ошибиться, лучше всего придерживаться установленных правил - везде и со всеми без исключений. А ситуации возникали разные. Как-то его пригласили писатели и пожаловались на "апрелевцев", которые после августовского путча вышвырнули своих собратьев из дома литераторов.

- А что, если и мы построимся в колонну и штурмом возьмем наш Дом обратно? - задал Исакову вопрос один из самых ретивых и горячих писательских чиновников.

- Тогда я вам не нужен, - улыбнувшись, ответил Исаков, - Здесь больше подойдут консультации кого-то из Генерального штаба.

"Законы, законность - естественный ограничитель, защищающий всех от насилия и произвола, - не уставал повторять уральский профессор. — Особенно в теперешнее время".

Он был прав: примеривавшая царскую корону новая-старая власть играть по правилам не желала. Вновь, как и в начале века, на горизонте замаячил принцип революционной целесообразности. Самостоятельность суждений - такое себе могли позволить немногие. За это платить приходилось очень дорого. Исакову ничего не простили. Особенно тяжело ему пришлось после ставшего знаменитым выступления шестерых. Какая после того началась истерия! Надо же, задели самого Идола. Это потом к людям пришло прозрение, на имя Исакова пошли письма с извинениями, еще раз подтвердив давнее наблюдение - наш народ крепок задним умом.

После августовских событий было принято решение: Исакова с должности снять. Со своим консервативным представлением о законности он не вписывался в новую демократическую команду, где, по определению того же Фильшина, "порядочный человек был не нужен, более того - опасен".

Профессор стоял до конца. Многим было непонятно, откуда такое упорство в интеллигентном человеке. Ему кричали в лицо: смирись, уйди, тебе же будет лучше.

- Сам я не уйду - это будет бегством. Вы выбрали меня председателем Совета Республики по определенной процедуре. Я прошу, чтобы и снятие прошло по закону, - сдержанно и внешне спокойно говорил Исаков. - Или его уже отменили? Нарушим сегодня, завтра таким же образом расправятся с вами.

И тогда, махнув рукой на демократические приличия, сняли, как в захудалом колхозе, - поднятием рук. Чуть позже будут уже не голосовать, а стрелять по парламенту. За деньги. А началось, как и предупреждал Исаков, с малого.

Вечером после голосования мы с Юрой Чапковским зашли к Исакову домой. Было уже поздно, был он в домашней шерстяной кофте, усталый и расстроенный. Из дальней комнаты через дверную щель на нас глянули три симпатичные детские мордашки. Смотрели настороженно и выжидающе - гостей не ждали.

- Владимир Борисович, ребята просили узнать, как ты?

- Я? - Исаков через силу улыбнулся, - Я в порядке. Вот думаю надо создавать конструктивную оппозицию.

Пожалуй, впервые вот так, вслух, было произнесено - оппозиция, слово почти позабытое, которое еще раз напомнило: мы должны не сидеть, а работать - в любых условиях.

Мы еще поговорили о том да о сем, уже поняв главное: Исаков не сломался. Когда уходили, то заметил, как из комнаты выскочили девчонки и повисли на плечах у отца. Позже, после расстрела Белого Дома, жена Исакова разыскала его, побитого, в милицейской кутузке и, забрав у него написанные на протоколах для допросов статьи для газет, передала рисунок и записку младшей дочери Лизы, в которой она сообщала, что любит его больше всех на свете, и попросила поскорее возвращаться домой, и "пливай ты на эту тюрьму".

- Дурачье, - скажет мне уже в подъезде Юра Чапковский, - Таких как Исаков и Бабурин, Ельцин должен был держать рядом, опираться на них, а он с ними вон как поступает.

- Такие они ему не нужны, - ответил я, вспомнив слова Фильшина. Ему нужны бурбулисы, шахраи, адвокаты макаровы.

Почему-то больше всех радовался снятию Исакова другой профессор - Хасбулатов. Не поленился, пришел на заседание и поздравил депутатов с тем, что убрали честного человека. Но жизнь в конечном итоге все ставит на свои места. Те, кого Хасбулатов приблизил к себе, плюнут на Конституцию, законность и вскоре уйдут к Президенту за чечевичной похлебкой. Исаков будет до конца в "Белом доме" и после сделает все возможное, чтобы вызволить Хасбулатова из Лефортово, ничего за это не потребует. Как приехал в Москву со студенческой сумкой из кожаного чемодана через плечо, так и будет, даже будучи депутатом Государственной Думы, носить ее.

Рано оставшись без родителей, он привык обходиться малым, стараясь все отдать своим детям. Многие работавшие с Исаковым заметили: несмотря на огромную занятость, он с удовольствием идет на встречу со школьниками и студентами. Возможно, давала себя знать многолетняя практика работы в университете, когда он чувствовал себя нужным и полезным, выпущенным на волю.

- Ты знаешь, я много думал, почему произошел этот странный на первый взгляд уральский выброс, который по своим нравственным последствиям, пожалуй, не слабее, а, возможно, и сильнее Чернобыльского, - говорил мне красноярский друг Олег Пашенко. — Откуда это лицо задумавшейся гири, этот недобрый, омовский взгляд? Настырное желание дубинкой загнать людей в неведомое ему самому? С ужасом думаю: неужели он потомок того самого добряка Саши с Уралмаша? А потом с облегчением сознаю: есть еще Исаков. Он ведь тоже с Урала. Ты знаешь, я у себя в городе проверил, его уважают и правые, и левые - за профессионализм и порядочность.

- Добавь еще, за стойкость и последовательность, - улыбнувшись, добавил я. - Были иллюзии, теперь пришел опыт и, я бы сказал, мудрость.

- Вот - вот и я об этом! - воскликнул Олег. - Вытопанное поле засеют такие. Для тех, кто следит за его публикациями в "Парламентском дневнике", это же своеобразный юридический ликбез, все понятно: откуда что берется и куда движется. Если раньше у него была всего лишь вузовская аудитория, то теперь практически вся Россия. А это очень важно. Есть скоропортящиеся политики, те, которые на один сезон. Исаков пришел в политику надолго. Помяни мое слово, я редко ошибаюсь.

(Валерий Хайрюзов, Последний звонок. Очерки русского сопротивления 1990-1998 гг. Москва, "Форум", 1998)